

Удивительно оригинальный портрет Ницше от прекрасного рассказчика.

*Энтони Бивор, историк, автор бестселлеров
«Сталинград» и «Вторая мировая война»*

Увлекательный, тщательно продуманный трогательный рассказ, полный идей и пронизательно подмеченных деталей неординарной жизни. Такой должна быть каждая биография!

*Сара Бейквелл, преподаватель писательского мастерства
в Келлогг-колледже (Оксфорд)*

Перед читателем предстает человек, жаждущий смены принятых представлений об обществе, морали и религии. Детально изучив труды философа и уникальные архивные материалы, автор прослеживает все перипетии жизни Ницше и показывает, что, еще будучи подростком, тот начал развивать способность к оригинальному изложению мыслей... Ницше часто сравнивал свое творчество с танцем, и эта биография отражает бурлящий и подчас необузданный характер его влиятельнейших произведений.

PW

Захватывающее исследование, выполненное одним из лучших биографов Великобритании.

New Criterion

Доступное введение в ницшеанскую философию и великолепная биография, в которой рассматриваются взаимоотношения Ницше с теми немногими, кто был ему действительно близок. Автор стремится понять отношения Ницше с матерью, сестрой, друзьями, издателем, позволяя нам по-новому взглянуть на эту поразительную личность.

New Statesman

Полезное и очень своевременное чтение.

Spectator

Невероятно проницательное, новаторское и подробное исследование жизни Ницше в Германии XIX века. Великолепная биография человека, которому история оказала медвежью услугу.

The Times

Детальная и доступно написанная биография Ницше, одного из самых примечательных мыслителей, когда-либо живших на Земле.

Evening Standard

Великолепное описание невероятного человеческого характера.

Scotsman

От прежних описаний жизни Фридриха Ницше это искусное исследование отличает создаваемое им ощущение близкого знакомства с философом. Автор подступает к подлинному Ницше ближе, чем кто-либо из биографов.

Los Angeles Review of Books

Масштабная и увлекательная биография загадочной личности.

Economist

Сью Придо

**ЖИЗНЬ
ФРИДРИХА НИЦШЕ**



УДК 141 + 929Ницше
ББК 87.3(4Гем)
П75

Sue Prideaux
I AM DYNAMITE!
A Life of Friedrich Nietzsche

Цитата из «Ессе Номо» Фридриха Ницше на суперобложке дана
в переводе Ю.М. Антоновского

Перевод с английского Александра Коробейникова

П75 Придо С.

Жизнь Фридриха Ницше / Сью Придо ; [пер. с англ. А.Г. Коробейникова]. — М. :
КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. — 400 с. : ил.

ISBN 978-5-389-12346-5

Фридрих Ницше — одна из самых загадочных фигур в философии; пожалуй, самый непонятый мыслитель в истории, предвидевший проблемы нашего времени и искавший для них решения. Его идеи о сверхчеловеке, смерти Бога, воле к власти и рабской морали поставили под сомнение принятые в XIX–XX вв. общественные нормы и модели политических отношений и оказали значительное влияние на западную культуру. Но что большинство из нас знает о самом Ницше? Каким был философ, которым восхищались Альбер Камю, Айн Рэнд, Мартин Бубер? Ницше писал, что философия сама по себе автобиографична, и в яркой, убедительной, разрушающей мифы биографии, созданной признанным мастером жанра Сью Придо, открывается мир этого блестящего, эксцентричного мыслителя и отягощенного множеством проблем человека. Внимание акцентируется на событиях и людях, которые повлияли на жизнь и творчество великого философа (Рихард и Козима Вагнер, Лу Саломе — роковая женщина, разбившая ему сердце, сестра Элизабет). Благочестивое христианское воспитание, глубокие переживания, связанные с загадочной смертью отца, преподавательская деятельность, одинокое времяпрепровождение высоко в горах и печальное погружение в безумие — рассматривая ключевые этапы биографии Ницше и анализируя его важнейшие произведения, автор ярко воссоздает интеллектуальный и эмоциональный аспекты жизни философа.

УДК 141 + 929Ницше
ББК 87.3(4Гем)

ISBN 978-5-389-12346-5

© Sue Prideaux, 2018

© Коробейников А.Г., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

КоЛибри®

*Посвящается Джорджии, Элис, Мэри, Сэму и Джорджу.
Научитесь всему и останьтесь собой*

Содержание

1. Музыкальный вечер	9
2. Наши немецкие Афины	28
3. Будь, каков есть	43
4. Наксос	62
5. Рождение трагедии	86
6. Ядовитая хижина	108
7. Идеетрясение	120
8. Последний ученик и первый ученик	135
9. Ум свободный и не очень	147
10. Человеческое, слишком человеческое	160
11. Странник и его тень	170
12. Философия и эрос	185
13. Ученица философа	196
14. Мой отец Вагнер умер, мой сын Заратустра родился	211
15. Только там, где есть могилы, возможно воскресение	222
16. Он подстерег меня в засаде!	236
17. Речи в пустоту	247
18. Ламаланд	260
19. Я — динамит!	269
20. Сумерки в Турине	284
21. Пещерный минотавр	306
22. Пустой жилец меблированных комнат	320
<i>Благодарности</i>	351
<i>Афоризмы</i>	353
<i>Хронология</i>	367
<i>Примечания</i>	373
<i>Библиография</i>	392
<i>Фотомаериалы</i>	396

1

Музыкальный вечер

Если взвесить все, то я не перенес бы своей юности без вагнеровской музыки. Ибо я был приговорен к немцам. Если хочешь освободиться от невыносимого гнета, нужен гашиш. Ну что ж, мне был нужен Вагнер. Вагнер есть противоядие против всего немецкого...¹

Эссе Ното. Почему я так умен, 6

В письме от 9 ноября 1868 года Эрвину Роде, своему другу и соученику по Лейпцигскому университету, двадцатичетырехлетний Ницше упомянул о своего рода комедии. Он писал:

«Акты моей комедии именуются:

1. Вечер в обществе, или Младший профессор.
2. Изгнанный портной.
3. Рандеву с X.

В постановке участвует несколько пожилых дам.

Вечером в четверг Ромундт забрал меня в театр, и это доставило мне весьма мало удовольствия. Мы сидели как боги-олимпийцы, выносящие суждение по поводу дешевой однодневки под названием «Граф Эссекс». Разумеется, я все высказал своему похитителю...

Первое в семестре занятие Классического общества было назначено на следующий вечер, и меня весьма деликатно спросили, проведу ли его я. Мне

¹ Здесь и далее «Эссе Ното» цит. в пер. Ю.М. Антоновского и И.А. Эбаноидзе. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

пришлось приналечь на штудии, но вскоре я подготовился и, войдя в кафе Zaspel, имел удовольствие обнаружить серую массу из сорока человек... Я читал лекцию довольно свободно, лишь изредка подглядывая в план на листе бумаги... Полагаю, с академической карьерой все будет хорошо. Дома я обнаружил адресованную мне записку: “Если хочешь познакомиться с Рихардом Вагнером, приходи без четверти четыре в кафе Théâtre. *Виндиш*”.

Эта неожиданность посеяла в голове моей некоторый переполох... я, разумеется, поспешил на поиски нашего славного друга Виндиша, и он сообщил мне дальнейшие известия. Вагнер оказался в Лейпциге — полностью инкогнито. Пресса ничего не знала, а слугам было приказано оставаться немymi как могилы. Сестра Вагнера, жена профессора Брокгауза [1] (интеллигентная дама, с которой мы оба знакомы), представила брату свою хорошую подругу — супругу профессора Ричля. В присутствии госпожи Ричль Вагнер играет *Meisterlied* [песню Вальтера из “Нюрнбергских мейстерзингеров” — оперы Вагнера, премьера которой состоялась всего несколькими месяцами раньше], и эта добрая женщина признается, что песня ей уже хорошо знакома. [Она уже слышала, как ее играет и поет Ницше, хотя ноты песни только-только опубликованы.] Вагнер обрадован и изумлен! Он объявляет о своем горячем желании познакомиться со мной инкогнито; меня нужно пригласить на ужин в воскресенье...

В последующие дни я чувствовал себя каким-то героем романа; ты должен признать, что обстоятельства этого знакомства, если учесть всю недоступность этого эксцентричного человека, кажутся почти сказочными. Посчитав, что приглашенных будет много, я решил нарядиться с иголки, к тому же и портной мой обещал мне новый вечерний костюм как раз на воскресенье. День был ужасный, дождь сменялся снегом. Дрожь пробирала меня при одной мысли о том, что нужно выйти на улицу, так что меня даже порадовало, когда днем ко мне зашел Рошер [2] и стал рассказывать что-то об элeатах [древнегреческая философская школа ок. VI в. до н. э.] и о Боге в философии. Однако стало уже смеркаться, портной не явился, а Рошеру было пора уходить. Я проводил его, попутно зайдя к портному. Там я застал его рабов в усердной работе над моим костюмом; они пообещали доставить его в три четверти часа. Я ушел довольный, заскочил в Kintschy [лейпцигский ресторан, излюбленный студентами] и почитал Kladderadatsch [сатирический иллюстрированный журнал], где, к своему удовольствию, обнаружил известие о том, что Вагнер-де в Швейцарии. Меж тем я знал, что в тот же вечер увижу его здесь и что вчера ему пришло письмо от юного короля [Людвига II Баварского] с надписью на конверте: “Великому немецкому композитору Рихарду Вагнеру”.

Дома никакого портного я не обнаружил. Устроился поудобнее и начал читать диссертацию о Евдокии [3], однако время от времени меня отвлекал шум — громкий, но отдаленный. Наконец до меня дошло, что кто-то стоял у старинной кованой решетки, которая, как и входная дверь, была заперта. Я стал кричать через сад этому человеку, что войти нужно с заднего хода, но из-за дождя он просто ничего не мог разобрать. Весь дом встал с ног на голову, дверь наконец открыли, и ко мне в комнату вошел старичок со свертком. Дело было в половине седьмого — уже пора было одеваться и собираться на выход, ведь я живу довольно далеко. Посыльный приносит мои вещи, я примеряю — они подходят. И тут происходит знаменательное событие: он вручает счет, я вежливо его принимаю, но он хочет, чтобы я оплатил его на месте! Пораженный, я стараюсь объяснить, что с наемным сотрудником иметь дела не буду, а заплачу только самому портному. Тот упорствует. Я хватаю вещи и начинаю их надевать. Он тоже хватает вещи и мешает мне их надевать. Удивительная сцена: я в одной рубашке сражаюсь за то, чтобы надеть новые брюки.

Проявляю благородство, ограничиваясь сдержанными угрозами. Проклинаю портного и его помощника, мечтаю о мести. Тем временем он уходит — и вещи забирает с собой. Конец второго акта. Я сижу на диване в одной рубашке и пытаюсь понять, достаточно ли хорош для Рихарда мой черный сюртук.

Снаружи льет как из ведра. Уже четверть восьмого, а в половине мы должны встретиться в кафе при театре. Я выбегаю в ночь — темную и дождливую. В черном я и сам — зато без фрака.

Мы входим в замечательно уютную гостиную Брокгаузов. Кроме семейства, здесь только Рихард и мы двое. Меня представляют Рихарду, я рассыпаюсь в доказательствах уважения. Он очень подробно расспрашивает меня, как я познакомился с его музыкой, проклинает все постановки своих опер и высмеивает дирижеров, которые довольно неуверенно обращаются к оркестрантам: “Господа, добавьте страсти, ну же, больше страсти, друзья мои!”

До и после ужина Вагнер сыграл все самые значительные фрагменты из “Мейстерзингеров”, имитируя каждый из голосов с большой живостью. Это действительно человек исключительного огня и темперамента, он говорит очень быстро, весьма остроумен и способен развеселить любое общество. Кстати, я долго говорил с ним о Шопенгауэре, и ты поймешь, как я обрадовался той неопикуемой теплоте, с которой он говорил о нем, утверждал, что многим обязан ему, что этот философ один из всех познал сущность музыки».

В то время работы Шопенгауэра были малоизвестны и мало ценились. В университетах вообще не признавали его как философа, однако Ницше с энтузиазмом отнесся к его трудам, когда незадолго до опи-

сываемых событий открыл для себя «Мир как волю и представление». Открыл волей случая — того же случая или, как предпочитал говорить сам Ницше [4], цепи роковых совпадений, словно бы управляемой безошибочной рукой инстинкта, которая привела к встрече с Вагнером в салоне Брокгаузов.

Первое звено в этой цепи было выковано за месяц до встречи, когда Ницше услышал прелюдии к двум последним операм Вагнера — «Тристану и Изольде» и «Нюрнбергским мейстерзингерам». «Все фибры, все нервы моего тела трепетали», — записал он в тот день и тут же принялся разучивать переложения для фортепиано. Потом Оттилия Брокгауз услышала, как он играет, и рассказала об этом своему брату Вагнеру. И вот третье звено — глубокое пристрастие Вагнера к неизвестному философу, трудами которого утешался сам Ницше, когда за три года до этого приехал в Лейпциг несчастным и лишенным корней.

«Я [Ницше] жил тогда в состоянии беспомощной нерешительности, один на один с болезненным опытом и разочарованиями, без надежды и без единого приятного воспоминания...

Однажды я нашел эту книгу в магазине букиниста, взял из-за неизвестного названия и стал листать. Не знаю, что за демон шепнул мне: «Бери ее домой». Это шло вразрез с моей обычной нерешительностью при покупке книг. Дома я сразу же бросился на диван с новообретенным сокровищем и полностью отдался энергичному и мрачному гению... Я увидел в нем зеркало, в котором в потрясающем увеличении отражались мир, жизнь и моя собственная природа... я увидел в нем болезнь и здоровье, изгнание и убежище, ад и рай» [5].

Но в тот вечер в салоне Брокгаузов не было времени дальше говорить о Шопенгауэре, поскольку разговор Вагнера, по словам Ницше, развивался по спирали: «гений Вагнера в создании облаков, его гоньба, блуждание и рысканье по воздуху, его “всюду” и “нигде”»¹ [6] проявились здесь в полной мере.

Письмо заканчивалось так:

«После [обеда] он [Вагнер] прочел фрагмент автобиографии, над которой сейчас работает, — совершенно замечательную сцену из студенческих лет в Лейпциге, при мысли о которой он даже сейчас не может удержаться от

¹ Здесь и далее «Казус Вагнер» цит. в пер. Н. Н. Полилова.

смеха; он пишет с исключительным мастерством и умом. Наконец, когда мы оба уже собрались уходить, он горячо пожал мне руку и весьма дружески пригласил меня заходить, чтобы помузицировать и поговорить о философии; также он поручил мне ознакомить его сестру и других родственников с его музыкой — поручение, которое я охотно принял на себя. Я напишу немного больше, когда смогу оценить этот вечер с некоторого расстояния и более объективно. Сейчас же прощай, желаю тебе крепкого здоровья. *Ф. Н.*»

Когда Ницше покинул солидный и удобно расположенный угловой особняк профессора Брокгауза, на каждом углу его поджидал холодный пронизывающий ветер и мокрый снег. Он возвращался к себе на Лессингштрассе, 22, где снимал большую пустую комнату у профессора Карла Бидерманна, редактора либеральной газеты *Deutsche Allgemeine Zeitung*. Свое состояние он описывает как непередаваемо возвышенное. Впервые с творчеством Вагнера он познакомился еще в школе. «Если взвесить все, то я не перенес бы своей юности без вагнеровской музыки» [7], — писал он, и власть, которой обладал над ним этот композитор, так и не рассеялась окончательно. Вагнер появляется в произведениях Ницше чаще всех, включая Христа, Сократа и Гёте [8]. Его первая книга была Вагнеру посвящена. Из четырнадцати книг Ницше в двух Вагнер фигурирует уже в заглавии. В последней же своей книге, «Ессе Номо», Ницше писал: «Но и поныне я ищущу, ищущу тщетно во всех искусствах произведения, равного Тристану по его опасной обольстительности...» [9]

С ранних лет Ницше мечтал стать музыкантом, однако, будучи одаренным учеником исключительно академической школы, где слова ценились куда выше музыки, он с неохотой отказался от этой идеи лет в восемнадцать. Во время первой встречи с Вагнером он был еще не философом, а просто студентом старших курсов Лейпцигского университета, изучавшим классическую филологию — мертвые языки и лингвистику.

Ницше был добрым, воспитанным, серьезным, немного скованным молодым человеком плотного телосложения, хотя его нельзя было назвать толстым. На фотографиях кажется, что одежду он взял напрокат: локти и колени на ней расположены не там, где надо, а пиджаки растягиваются у пуговиц. Невысокий, непримечательной внешности, он, однако, обращал на себя внимание удивительными глазами. Один зрачок был немного больше другого. Кто-то говорит, что глаза его были карими, кто-то — что серо-голубыми. Они смотрели на мир с туманной близорукой неуверенностью, но когда его взгляд падал на кого-то, то

пронизывал собеседника и вызывал беспокойство; под таким взглядом невозможно было лгать.

Сегодня мы в основном знаем Ницше по фотографиям, бюстам и портретам в зрелом возрасте, когда рот и большую часть подбородка полностью закрывали огромные усы в форме бараньих рогов, однако фотографии студенческих лет из Лейпцига свидетельствуют, что в годы, когда у юношей возникает растительность на лице, Ницше было особо нечем похвастаться. Можно заметить, что губы его были полными и правильной формы, что впоследствии подтверждала Лу Саломе — одна из немногих женщин, его целовавших; подбородок Ницше был твердым и закругленным. Как интеллектуальные модники предшествующей эпохи подчеркивали романтические устремления выющимися локонами и шелковыми галстуками, так Ницше заявлял о своем постромантическом рационализме, подчеркивая поразительных размеров лоб, вместилище удивительного мозга, и скрывая чувственные губы и решительный подбородок.

Ницше все больше осознавал, что филология перестает ему нравиться. В письме, написанном через одиннадцать дней после встречи с Вагнером, он называет себя и своих коллег «бурлящим выводком филологов» того времени, «которые каждый день проводят как кроты, с их защечными мешками и слепыми глазами, радостно ловят червяков и проявляют безразличие к настоящим проблемам — насущным жизненным проблемам» [10]. Его пессимизм только усугубляло то, что сам он настолько преуспел в презренной кротовой жизни, что ему вскоре предложили кафедру классической филологии в Базельском университете, так что он стал самым молодым профессором в истории. Однако такие почести были еще впереди в тот вечер, когда Вагнер разговаривал с ним как с равным и подчеркнул, что охотно продолжил бы знакомство. Это была исключительная честь.

Композитору, которого называли просто «маэстро», перевалило за пятьдесят. Его слава распространялась по всей Европе. Каждый его шаг описывался в прессе, что и обнаружил в тот вечер Ницше, читая в кафе Kladderadatsch. Когда Вагнер посещал Англию, встречи с ним искали королева Виктория и принц Альберт. В Париже его делами занималась княгиня Полина Меттерних. Король Людвиг Баварский называл Вагнера своим «обожаемым другом-ангелом» и собирался полностью перестроить Мюнхен в соответствии с музыкой Вагнера. Людвиг умер до того, как эта экстравагантная схема была реализована (возможно, его убили, чтобы его дикие строительные проекты не сделали страну банкротом), но

архитектурные планы можно видеть и по сей день: новая улица прорезает центр города, пересекает реку Изар по величавому каменному мосту, имитирующему радужный мост Вотана, ведущий в Вальхаллу в вагнеровском «Кольце нибелунга», и заканчивается у огромного оперного театра, напоминающего разрезанный надвое Колизей с крыльями по обеим сторонам. Музыка Вагнера была для короля Людвига «прекраснейшим, величественным и единственным утешением» — эти чувства можно встретить и у Ницше. Тот с юных лет был очень чувствителен к музыке. Воспоминания о его детстве свидетельствуют, что музыка была для него важнее речи: он был настолько тихим мальчиком, что ему одному отец, пастор Карл Людвиг Ницше [11], разрешал оставаться в кабинете, когда сам работал над проповедями и разбирал дела прихода. Отец и сын проводили время в полном согласии и единодушии, но, как и многие двух- и трехлетние дети, маленький Фридрих был подвержен приступам гнева, начиная порой кричать, размахивать руками и топтать ногами. Тогда его ничто не могло утешить — ни мать, ни игрушки, ни еда, ни напитки. Единственным средством было пианино: отец открывал крышку и начинал играть.

Пастор Ницше принадлежал к музыкальной нации и был необыкновенно искусным исполнителем: послушать его игру съезжались за несколько миль. Он служил лютеранским пастором прихода Рекен к югу от Лейпцига — города, где Иоганн Себастьян Бах в течение 27 лет вплоть до самой смерти являлся музыкальным руководителем всех церквей. Карл Людвиг был известен своим исполнением Баха, а также исключительным талантом к импровизации, который и унаследовал Ницше.

Предками Ницше были обычные саксонцы — мясники и фермеры, которые жили под Наумбургом, где находилась епископская кафедра. Отец Карла Людвига, Фридрих Август Ницше, повысил социальный статус рода, став пастором, а затем еще упрочил положение, женившись на Эрдмуте Краузе, дочери архидьякона. Эрдмуте, весьма симпатизировавшая Наполеону, родила отца Ницше, Карла Людвига, 10 октября 1813 года — за несколько дней до Битвы народов, известной также как Лейпцигская, причем в непосредственной близости от поля боя, на котором Наполеон был разбит. Ницше любил рассказывать об этом. Он считал Наполеона последним великим имморалистом, который стремился к власти, не отягощая себя совестью, — сочетанием сверхчеловека и чудовища. Эта довольно поверхностная связь, по его мнению, стала физиологической и психологической причиной его преклонения перед французским героем. Всю жизнь он мечтал посетить Корсику, но так и не смог реализовать это намерение.

Карлу Людвигу, разумеется, было уготовано вслед за отцом стать служителем церкви. Он поступил в расположенный неподалеку Университет Галле, известный прежде всего теологическим направлением. Здесь он изучал богословие, латинский, греческий и французский языки, греческую и еврейскую историю, классическую филологию и библеистику. Он не был ни выдающимся, ни особенно глупым студентом. Он считался прилежным учеником и выигрывал призы за красноречие. Окончив университет в 21 год, он нашел работу репетитора в большом городе Альтенбурге километрах в пятидесяти к югу от Лейпцига.

Карл Людвиг был консерватором и роялистом. Эти похвальные качества заставили правившего тогда герцога Иосифа Саксен-Альтенбургского обратить на него внимание при выборе наставника для трех своих дочерей — Терезы, Элизабет и Александры. Карлу Людвигу тогда не исполнилось и тридцати, но работу он выполнил великолепно, причем без следа каких-либо романтических увлечений.

После семи лет преподавания он подал заявку на должность пастора прихода Рекен — плодородной, но безлесной равнины в 25 километрах к юго-западу от Лейпцига. В 1842 году он перебрался в дом пастора вместе с овдовевшей матерью Эрдмуте. Дом пастора стоял бок о бок с одной из старейших церквей в Саксонии — древней церковью-крепостью, построенной в первой половине XII века. При Фридрихе Барбароссе ее высокая прямоугольная колокольня служила также дозорной вышкой. С нее просматривалась вся обширная долина, которую некогда защищали рыцари. В ризнице стояло огромное каменное изваяние одного из этих рыцарей. В детстве Ницше очень его пугался: когда солнце освещало глаза статуи, сделанные из рубинов, они начинали мерцать и блестеть.

Когда двадцатисемилетний пастор Карл Людвиг посетил приход Поблес, он увлекся семнадцатилетней дочерью местного священника. Франциске Элер не хватало образования, но она просто и глубоко верила в Бога и не желала себе иной судьбы, кроме как поддерживать мужа в земной юдоли слез.

Они поженились на тридцатый день рождения Карла Людвига, 10 октября 1843 года. Молодой муж перевез новобрачную в дом священника в Рекене, где всем заправляла Эрдмуте — ныне непреклонная матрона шестидесяти четырех лет в строгом чепце и с фальшивыми локонами по моде ее поколения. Она души не чаяла в сыне, контролировала финансы и настаивала на соблюдении в доме полной тишины из-за своего «слабого слуха».

Также в доме жили две болезненные и нервные старшие сводные сестры пастора — тетушки Ницше, Августа и Розалия. Тетушка Августа была настоящим мучением. Она практически не пускала Франциску на кухню из опасений, что та что-нибудь испортит. «Оставь мне это единственное утешение», — говорила Августа, когда Франциска предлагала помочь. Тетушка Розалия имела более интеллектуальные наклонности и подвизалась на ниве благотворительности. Обе тетки страдали от широко распространенных в то время «нервных болезней» и никогда далеко не уходили от шкафчика с медикаментами, которые, впрочем, вовсе не помогали. Из-за этого престарелого триумvirата новобрачная чувствовала себя фактически бесполезной в собственном доме. К счастью, через несколько месяцев после бракосочетания она забеременела Фридрихом.

Фридрих Вильгельм Ницше родился 15 октября 1844 года и был крещен отцом в церкви Рекена. Его назвали в честь правящего монарха — Фридриха Вильгельма IV Прусского. Через два года, 10 июля 1846 года, родилась девочка по имени Тереза Элизабет Александра — в честь всех трех альтенбургских принцесс, которых обучал ее отец. Все звали ее Элизабет. Через два года, в феврале, родился еще один мальчик, крещенный Йозефом в честь герцога Альтенбургского.

Пастор был благочестивым патриотом, но и его не миновали нервные расстройства, преследовавшие его мать и сводных сестер. Порой он на несколько часов запирался в кабинете, отказываясь есть, пить и разговаривать. Но еще больше тревожили загадочные приступы, когда он прерывал фразу буквально на полуслове и невидящим взглядом смотрел в пространство. Франциска сразу же старалась его разбудить, но когда он «просыпался», то полностью забывал об этой потере сознания.

Франциска обратилась к семейному врачу, доктору Гутьяру, который списал все на «нервы» и порекомендовал отдых. Однако симптомы усугублялись, так что в итоге пастор не смог исполнять приходские обязанности. Загадочные пароксизмы были признаны свидетельством «размягчения мозга», и он на многие месяцы мог впадать в прострацию, подвергался чудовищным головным болям и приступам тошноты. Дегradировало и зрение — он наполовину ослеп. Осенью 1848 года, в возрасте тридцати пяти лет, всего после пяти лет семейной жизни, он оказался прикован к постели. Активная жизнь его на этом практически прекратилась.

Франциска задыхалась между Эрдмуте и двумя невротическими тетками, с одной стороны, и неуклонным ухудшением состояния мужа — с другой. Насупленные брови и другие скрытые сигналы стали обычным делом в доме пастора, но Франциске каким-то обра-

зом удалось укрыть детей от нездоровой атмосферы, царившей между взрослыми. И Фридрих, и Элизабет в своих воспоминаниях о детстве отмечают свободу и легкость бытия, ведь брат и сестра могли играть где угодно — на колокольне, на заднем дворе, в саду и в цветнике. Там были пруды с ивами, на которые они залезали, чтобы послушать птиц и посмотреть, как рыба носится у блестящей поверхности воды. Поросшее травой кладбище за домом казалось им «дружелюбным», но они не играли среди старинных надгробий из-за трех шлицованных мансардных окон, которые выходили на эту сторону крыши и казались детям всевидящими глазами Бога.

Страдания Карла Людвига усугублялись; он утратил дар речи и, наконец, полностью ослеп. 30 июля 1849 года, в возрасте всего лишь 35 лет, он скончался.

«В приходе ему приготовили каменный склеп... О, никогда глубокие звуки этих колоколов не перестанут отдаваться в моих ушах; никогда я не забуду мрачную мелодию гимна “Иисус — мое утешение”! Звуки органа рокотали по пустой церкви, — писал тринадцатилетний Ницше, вспоминая о своем раннем детстве [12]. — В то время мне однажды приснилось, что я слышу в церкви ту же самую органную музыку, что и на похоронах отца. Когда я понял, что кроется за этими звуками, вдруг могила открылась и из нее показался отец, закутанный в льняной саван. Он поспешил в церковь и спустя мгновение вернулся с ребенком в руках. Могила вновь открылась, он вошел туда, и крышка гроба затворилась снова. Хрип органа немедленно прекратился, и я проснулся. На следующий день после этого сна маленький Йозеф вдруг заболел, у него начались сильные судороги, и уже через несколько часов он умер. Наше горе было беспредельно. Мой сон полностью сбывся. Маленькое тельце теперь лежало в объятиях отца» [13].

Причины ухудшения здоровья пастора Ницше и его смерти изучались многими исследователями. Для последующих поколений важен вопрос, сошел ли пастор перед смертью с ума, поскольку сам Ницше страдал от похожих симптомов перед тем, как внезапно сошел с ума в 1888 году, когда ему было 44 года, и не приходил в рассудок до самой смерти в 1900 году. Литературы по этому вопросу все больше, но первая книга, «О патологии Ницше» (*Über das Pathologische bei Nietzsche*), была опубликована уже в 1902 году, всего через пару лет после смерти философа. Ее автор, доктор Пауль Юлиус Мебиус [14], был выдающимся пионером невропатологии и с 1870-х годов специализировался на наследственных нервных заболеваниях. Фрейд называл Мебиуса одним

из отцов психотерапии; кроме того, он мог работать непосредственно с отчетом о вскрытии пастора Ницше, в котором значился диагноз *Gehirnerweichung*, «размягчение мозга» — термин, который в XIX веке обычно использовали для характеристики множества дегенеративных нервных заболеваний. Среди современных вариантов интерпретации этого диагноза — общая дегенерация, опухоль головного мозга, туберкулема мозга или даже медленное кровоизлияние в мозг, вызванное каким-либо сотрясением. В отличие от отца Ницше не был подвергнут вскрытию, так что ни Мебиус, ни позднейшие исследователи не смогли провести сопоставления мозгов отца и сына, однако Мебиус решил посмотреть на дело шире и выявил склонность к психическим проблемам по материнской линии. Один дядя Ницше покончил жизнь самоубийством. Судя по всему, он предпочел смерть заточению в *Irrenhaus* — сумасшедшем доме. По отцовской линии некоторые братья и сестры Эрдмуте, бабки Ницше, считались «психически нездоровыми»: кто-то покончил с собой, кто-то вынужден был обратиться к психиатрам, еще двое тоже страдали какими-то психическими заболеваниями [15].

Прежде чем мы оставим эту тему насовсем, нужно затронуть и смерть во младенчестве младшего брата Ницше. До смертельного приступа Йозеф уже страдал припадками. Нельзя не прийти к заключению о том, что семейство Ницше, несомненно, было предрасположено к психическим или неврологическим заболеваниям.

Карл Людвиг Ницше скончался в тридцать пять. Франциске тогда было двадцать три, Ницше — четыре, Элизабет — три года. Семье пришлось покинуть дом пастора, уступив его новому священнику. Бабка Эрдмуте решила вернуться в Наумбург, где у нее были прекрасные связи. Ее брат служил проповедником в соборе. Она сняла квартиру на первом этаже на Нойгассе — скромной, но вполне уважаемой улице с домами-кондоминиумами. Эрдмуте заняла переднюю комнату, а теток Розалию и Августу поселила в соседнюю.

Вдовья пенсия Франциски составляла 90 талеров в год плюс по 8 за каждого ребенка. Она дополнялась скромными выплатами альтенбургского двора, но всего этого было недостаточно для независимости. Ее с детьми водворили в две худшие комнаты на заднем дворе дома. У Ницше и его сестры была общая спальня на двоих.

«После того как мы столько времени жили в деревне, городское житье показалось нам ужасным, — писал Ницше. — Мы избегали мрачных улиц и стремились к открытым пространствам, как птицы, пытающиеся покинуть клетку... огромные церкви и здания на рыночной площади,

с ратушей и фонтаном, орды людей, с которыми я не был знаком... Меня поражало, что и сами эти люди часто друг друга не знали... едва ли не больше всего меня тревожили длинные мощные улицы» [16].

Пятнадцатитысячный Наумбург действительно мог напугать детей из маленькой деревушки Рекен. Сейчас мы воспринимаем Наумбург как открыточный романтический городок, словно бы взятый из средневековых часословов, со светлыми башнями по берегам извилистой реки Заале, но когда туда переехала семья Ницше, Заале вовсе не была живописным рвом с водой — это был настоящий рубеж обороны с мощными укреплениями на берегу.

За два года до переезда семейства в Наумбург Европу потрясли революции 1848–1849 годов: материк забился в конвульсиях народных восстаний, которых некогда так страшился непреклонный в своем монархизме отец Ницше. Рихард же Вагнер, напротив, целиком поддерживал революции, которые, как он надеялся, должны были повлечь за собой полное перерождение искусства, общества и религий. Вагнер бок о бок с русским анархистом Михаилом Бакуниным бился на баррикадах в ходе Дрезденского восстания в мае 1849 года и финансировал поставку восставшим ручных гранат. Когда это открылось, его сослали. Потому-то он и прожил в Швейцарии в то время, когда состоялась его первая встреча с Ницше. Германия 1850-х годов была объединена в Германский союз (1815–1866) — конфедерацию государств, сформированную, когда державы-победительницы на Венском конгрессе перекроили карту Европы после поражения Наполеона. В союз входили тридцать девять автономных немецких государств, которыми правили князья, герцоги, епископы, электоры и другие монархи. Раздробление Германии на мелкие — и мелочные — государства подразумевало отсутствие национальной армии, единой налоговой системы, общей экономической политики и реального политического значения. Один деспот выступал против другого, и все они были слишком близоруки, чтобы понять возможные выгоды от объединения. К тому же в Германский союз входили чехи из Богемии, датчане из Гольштейна и итальянцы из Тироля. В Ганновере до 1837 года правил английский король, Гольштейн подчинялся королю Датскому, а Люксембург — королю Нидерландов. В 1815 году, когда был основан Германский союз, в конфедерации доминировала Австрия, однако мало-помалу власть и влияние австрийского канцлера Меттерниха ослабли, а на ведущую роль выдвинулось крупное, богатое полезными ископаемыми Прусское государство. Особенно процветающей и воинственной Пруссия стала при канцлере Отто фон Бисмарке.

Город Наумбург в провинции Саксония принадлежал прусскому королю. Обилие укреплений в городе, о котором вспоминает Ницше, объяснялось трениями внутри Германского союза и годами французской угрозы. На ночь пять тяжелых городских ворот закрывались. Только с помощью громкого звона и подкупа стражи горожанин мог вернуться домой ночью. Ницше с сестрой нравилось совершать прогулки «по светлым горам, речным долинам, поместьям и замкам» [17], но им приходилось прислушиваться к звукам вестового колокола (который Ницше позднее опишет в «Так говорил Заратустра» как «полночный колокол, переживший больше, чем человек: уже отсчитавший болезненные удары сердца ваших отцов»¹), чтобы не повторить ужасную судьбу Гензеля и Гретель и не провести ночь отрезанными от дома.

Наумбург был окружен мрачным Тюрингенским лесом — самым древним лесом Германии, с могилами легендарных героев, пещерами драконов, дольменами и черными безднами, которые еще со времен, когда создавалась германская мифология, символизировали иррациональность и бесконтрольность подсознательного немцев. Вагнер позднее использует это ощущение для описания мысленного путешествия Вотана к хаосу, которое приведет к слому старого порядка, гибели богов и отмене всех прежних договоров. Ницше характеризовал это ощущение сперва как демоническое, а затем как дионисийское.

И ничто не могло быть более аполлоническим, более логичным и необходимым, чем сам город Наумбург. Вдоль реки Заале вытянулись кварталы рациональности, процветания и склонности к романтическому консерватизму. Город зародился как центр торговли — необходимое для враждующих древних племен место мира. С годами Наумбург стал средневековым центром немецких ремесел, в нем была образована гильдия. С момента закладки собора в 1028 году церковь и государство гармонично и разумно шли рука об руку на протяжении многих веков, особенно с зарождением протестантизма. Так что, когда Ницше поселился в Наумбурге, это был богатый, солидный, буржуазный город, отличное место для спокойной жизни. Два главных архитектурных шедевра города — собор и столь же величественная ратуша — показывали, как могут процветать церковь и государство, если религиозные и гражданские добродетели сольются воедино в мещанском, консервативном обществе.

Когда бабушка Эрдмуте в детстве воспитывалась в Наумбурге, круг местных религиозных догм ограничивался простыми лютеранскими

¹ Здесь и далее «Так говорил Заратустра» цит. в пер. Ю.М. Антоновского.

идеалами долга, скромности, простоты и умеренности, однако ее возвращение в город совпало с началом движения Пробуждения, которое ставило истовость и божественные откровения выше рациональной веры. Многие стали объявлять о своем перерождении. Они публично признавались в том, что являются отчаянными грешниками. Такое поветрие совершенно не устраивало дам из семейства Ницше, и, хотя никто ни на йоту не сомневался, что Фридрих пойдет по стопам отца и деда и станет служителем церкви, семья вовсе не собиралась возвращаться в кругах необузданных религиозных фанатиков. Подруги дамы Ницше нашли среди жен чиновников и судей — в состоятельном и могущественном слое провинциального общества, не подвергнувшемся влиянию новых идей.

Консервативная элита города двигалась вперед черепашными темпами, и Эрдмуте и Франциска, две вдовы пасторов, находящиеся в не слишком стесненных, хотя и не особо блестящих обстоятельствах, легко заняли в обществе положение знатных дам, которые могли оказаться полезными высшему кругу в обмен на ненавязчивое покровительство. Ницше вовсе не возмущало такое положение дел, что он с сожалением и признавал, описывая, как в детстве в Наумбурге всегда вел себя с достоинством истинного маленького филистера. Но если его описание визита короля в Наумбург, сделанное в десять лет, не отличается глубиной политической мысли, оно определенно обещает некоторый литературный талант:

«Наш дорогой король почтил визитом Наумбург. Подготовка к событию была масштабной. Всех школьников нарядили в черно-белые одеяния, и с одиннадцати утра они ожидали на рыночной площади прибытия Отца народа. Постепенно небо затянуло тучами, и на нас пролился дождь — короля не было! Пробило двенадцать — короля все не было. Многие дети проголодались. Дождь стал обложным, все улицы покрылись грязью; час дня — нетерпение только усилилось. Вдруг, около двух часов, зазвонили колокола и небо улыбнулось сквозь слезы радостно пляшущей толпе. Мы услышали грохот экипажа; неистовой радостью огласились улицы; мы в возбуждении размахивали шляпами и кричали что есть мочи. Свежий ветер развеивал множество флагов на крышах, звонили все колокола в городе, люди кричали, бушевали от восторга и буквально подталкивали карету по направлению к собору. В глубине святилища группа маленьких девочек в белых платьях с венками из цветов была выстроена в форме пирамиды. И тут показался король...» [18]

В том же 1854 году Ницше живейшим образом заинтересовался Крымской войной. Уже несколько веков стратегически важный Крымский полуостров, вдающийся в Черное море, был яблоком раздора между Россией и Турцией. В то время он находился под властью России, и войска царя Николая I воевали там с Османской империей и ее союзницами — Англией и Францией. Это была первая война, с которой сохранились фотографии. Благодаря электрическому телеграфу сводки с фронтов доходили почти моментально. Ницше и его школьные друзья — Вильгельм Пиндер и Густав Круг — пристально следили за ходом кампании. Все их карманные деньги уходили на оловянных солдатиков; они корпели над картами и строили модели полей сражения; они даже сделали из лужи Севастопольскую бухту и пускали бумажные кораблики, представляя их боевыми. Чтобы имитировать бомбардировки, они скатывали шарики из воска и селитры, поджигали их и бросали на модели. Им очень нравилось смотреть, как горящие шары со свистом падают, поражают цель и поджигают ее. Но однажды Густав пришел на «поле боя» с печальной новостью: оказывается, Севастополь пал, война окончена. Разгневанные мальчики обратили ярость на свой игрушечный Крым, об игре забыли, но вскоре они уже разыгрывали новую войну — Троянскую.

В то время по Германии распространилась грекофилия. Бесчисленные мелкие германские княжества рисовали себе будущее величие, подобное величию греческих полисов. Элизабет писала: «Мы стали ревностными маленькими греками — метали копья и диски (деревянные тарелочки), прыгали в высоту и бегали наперегонки». Ницше сочинил две пьесы — «Боги на Олимпе» и «Взятие Трои», которые инсценировал перед своим семейством, упросив сыграть другие роли своих друзей Вильгельма Пиндера и Густава Круга и сестру Элизабет.

Читать и писать Фридриха научила мать в пять лет. Образование мальчиков начиналось в шесть лет, и в 1850 году его отдали в муниципальную школу, куда ходили дети бедноты. Его сестра Элизабет, неравнодушная к вопросам статуса, подчеркивает в своей биографии, что дело было в особой теории бабушки Эрдмута: «До восьми-десяти лет все дети любого общественного положения должны учиться вместе: дети высших классов тем самым смогут лучше понять классы низшие» [19]. Но, по свидетельству их матери, это была неправда: они просто были бедны.

Раннее развитие Ницше, его серьезность, точность мыслей и выражений, а также крайняя близорукость, из-за которой он никак не мог сосредоточить внимание на предметах, препятствовали тому, чтобы он

сошелся со сверстниками. Он получил прозвище «маленький священник», и его стали дразнить.

На Пасху 1854 года, когда мальчику было девять лет, его перевели в частную школу под замысловатым названием «Учреждение с целью тщательной подготовки к гимназии и другим высшим учебным заведениям», которую посещали дети состоятельных родителей. Здесь ему было намного комфортнее с точки зрения общения, но своих амбициозных планов по обучению школа попросту не выполняла. В десять лет он вместе с Вильгельмом Пиндером и Густавом Кругом перешел в гимназию при кафедральном соборе. Там ему пришлось так активно наверстывать упущенное, что из-за интенсивных занятий он мог выделить на сон по пять-шесть часов в день. В повествовании о том времени, как и во многих других фрагментах, посвященных самоанализу, характерно возвращение к обстоятельствам смерти отца. Снова и снова в автобиографических записях — как в детстве, так и в последние годы сознательной жизни — Ницше упоминает смерть отца.

«Ко времени переезда в Наумбург мой характер стал проявляться. Я уже испытал много горя и печали за свою короткую жизнь, а оттого не был так дик и беспечен, как это обычно бывает у детей. Мои сверстники часто дразнили меня за излишнюю серьезность. Это случалось не только в начальной школе, но и позднее вплоть до гимназии. С самого детства я искал одиночества и лучше всего чувствовал себя тогда, когда его никто не нарушал. Обычно это случалось в храме природы, на открытом воздухе, что доставляло мне истинное удовольствие. Гром и буря всегда производили на меня самое яркое впечатление: грохочущий в отдалении гром и вспышки молний только усиливали мой страх перед Богом» [20].

За четыре года, что Ницше провел в гимназии при соборе, он отличился в тех предметах, что были ему интересны: немецком стихосложении, древнееврейском и латинском языках, а со временем и в греческом, который сперва казался ему слишком сложным. Математика была ему скучна. В свободное время он начал сочинять роман под названием «Смерть и разрушение», создал несколько музыкальных произведений, написал по меньшей мере 64 стихотворения и брал уроки благородного искусства фехтования, которое мало вязалось с его внешностью, но было необходимым для соответствующего положения в обществе. «Я писал поэмы и трагедии, кровожадные и невероятно скучные, изводил себя сочинением оркестровых композиций и так увлекся идеей все познать

и всему научиться, что подвергся серьезной опасности вырасти настоящей бестолочью и фантазером» [21].

Но тут четырнадцатилетний подросток, подводя итоги, себя недооценивает. В той же заметке он дает резкий критический анализ собственных стихов, которые он стал писать с восьми лет. Критика Ницше своего детского творчества интересным образом предсказывает настроение символистской поэзии, с которой он никак не мог быть знаком, поскольку в то время Бодлер в Париже только начал ее создавать.

«Я пытался выразить себя более цветистым и ярким языком. К сожалению, в результате от изящества я скатился к аффектации, а от переливчатости языка — к сентенциозному невежеству, поскольку всем моим стихам недоставало самого главного — идеи... Стихотворение, бедное идеями и перегруженное фразами и метафорами, напоминает румяное яблоко, сердцевину которого выел червяк... В любом жанре основное внимание следует уделять идеям. Можно простить любые ошибки стиля, но не ошибки мысли. Юнец, которому недостает оригинальных идей, естественным образом пытается скрыть эту пустоту за блестящим и цветистым стилем; но разве поэзия не напоминает в этом отношении современную музыку? Именно в этом направлении будет вскорости развиваться поэзия будущего. Поэты будут выражать себя самым странным образом, сбивчиво излагая свои мысли и подкрепляя их невежественными, но чрезвычайно напыщенными и сладковзвучными аргументами. Грубо говоря, нас ожидают произведения, подобные второй части “Фауста”, вот только идеи в них будут отсутствовать уже начисто. *Dixi*» [22].

Попытки Ницше овладеть универсальными знаниями и умениями, безусловно, были навеяны Фаустом, а также примером таких энциклопедически образованных людей, как Гёте и Александр фон Гумбольдт. Как и все они, Ницше стал изучать естественную историю.

«Лиззи, — сказал он как-то сестре, когда ему было девять лет. — Не рассказывай всякую ерунду про аистов. Человек — это млекопитающее, и он живородящий» [23].

В его книге по естественной истории также сообщалось, например, что «лама — удивительное животное; она с готовностью переносит самые тяжелые грузы, но когда ей дальше идти не хочется, она поворачивает голову и плюет в лицо седоку, а слюна ее имеет весьма неприятный запах. Если же ее удерживают силой или дурно с нею обращаются, она отказывается принимать пищу, ложится в пыль и умирает». Он решил, что это описание полностью подходит его сестре Элизабет, и до конца

жизни как в письмах, так и в разговорах называл сестру «лама» или иногда «верная лама».

Элизабет же нравилось это ее интимное прозвище, и она рассказывала о его происхождении при первой возможности, правда, опуская пассаж о вонючей слюне.

У отца Густава Круга было «великолепное большое пианино», которое прямо-таки зачаровывало Ницше. Франциска тоже купила ему фортепиано и научилась играть, чтобы учить сына. Круг был близким другом композитора Феликса Мендельсона. Все именитые музыканты, оказавшись в Наумбурге, собирались играть в доме Круга. Музыка через окна было слышно на улице, где Ницше любил стоять и слушать ее сколько угодно. Так он еще мальчиком познакомился с романтической музыкой, против которой и восстал Вагнер. В результате этих концертов через окно первым музыкальным кумиром Ницше стал Бетховен, но на создание собственного музыкального сочинения девятилетнего мальчика вдохновил Гендель. Фридрих написал ораторию после того, как услышал хор «Аллилуйя» из оратории Генделя «Мессия». «Мне казалось, что это была торжественная песнь ангелов и что именно под нее происходило Вознесение Иисуса. Я немедленно попытался сочинить нечто подобное».

Большая часть его детских музыкальных сочинений уцелела благодаря матери и сестре, которые хранили все бумаги со следами пера обожаемого Фридриха. Целью его музыкальных экспериментов было выразить страстную любовь к Богу, которая пронизывала эмоциями весь дом и была неотделима от горестных воспоминаний об отце, дух которого, по их общему мнению, продолжал наблюдать за ними. Сюда примешивались и ожидания того, что сам Ницше вскоре станет словно ее «отцом и как бы продолжением его жизни после слишком ранней смерти» [24].

Мать и сестра обожали его; он был для них всем. Элизабет отличалась большим умом, но она была всего лишь девочкой, поэтому о получении школьного образования не приходилось и говорить. Ее обучили читать и писать, немного считать, азам французского, чтобы демонстрировать воспитание, танцам, рисованию и, разумеется, манерам. Любая жертва в пользу мужчины вызывала у нее и ее матери настоящее упоение своей неполноценностью. И Фридрих платил им тем, что и был тем высшим существом, которого они хотели в нем видеть. Если уж не в школе, то дома он сполна осознавал собственную значимость. Когда Элизабет не была «ламой» или «верной ламой», она была «маленькой девочкой»,

охранять которую являлось его обязанностью. Когда Фридрих прогуливался с матерью или сестрой, он шел на пять шагов впереди, чтобы защитить их от таких «угроз», как грязь и лужи, и таких «чудовищ», как лошади и собаки, которых они должны были опасаться.

Отчеты из гимназии при соборе свидетельствуют, что он был прилежным учеником. Его мать не сомневалась, что сын способен осуществить ее мечты и последовать по стопам отца в лоне церкви. Склонность к теологии проявлялась в отличных оценках по предмету. Двенадцатилетний Ницше был крайне религиозен и однажды увидел Бога во всей славе Его. Это убедило его посвятить жизнь Богу.

«Во всем, — писал он, — Бог руководил мною, как отец руководит своим слабым малым чадом... Я твердо решил навсегда посвятить себя служению Ему. Пусть Господь даст мне силу и решимость исполнить мое намерение и защитит меня на жизненном пути. Я, как ребенок, верю в Его милосердие: Он сохранит всех нас, да не падет на нас никакое несчастье. Да будет слава Его! Все, что Он дает, я приму с радостью: счастье и несчастье, богатство и бедность; я буду смело смотреть в лицо смерти, которая со временем соединит нас в вечной радости и блаженстве. Да, Господи, да сияет Твое лицо нам вечно! Аминь!» [25]

Но даже в разгар такого религиозного энтузиазма (впрочем, не особенно необычного) в глубине души он таил взгляды чрезвычайно еретические. Одно из базовых положений христианской веры заключается в том, что Святая Троица состоит из Бога Отца, Бога Сына (Иисуса Христа) и Святого Духа. Но двенадцатилетний Ницше не мог смириться с иррациональностью этой конструкции. Сам он вывел для себя совершенно другую Святую Троицу: «В двенадцать лет я придумал себе удивительную троицу: Бога Отца, Бога Сына и Бога Дьявола. Я считал, что Бог, помыслив, создал второе свое лицо из собственной головы, но для этого ему нужно было помыслить о своей противоположности, а следовательно, и создать ее. Вот так я начал философствовать» [26].

Фотоматериалы

1. Отец Ницше — Карл Людвиг Ницше
© *Klassik Stiftung Weimar, Goethe- und Schiller-Archiv, Nietzsche-Ikonographie, GSA 101/323*
2. Мать Ницше — Франциска, урожденная Элер
© *Klassik Stiftung Weimar, Goethe- und Schiller-Archiv, Nietzsche-Ikonographie, GSA 101/315*
3. Фридрих Ницше в семнадцать лет
© *Klassik Stiftung Weimar, Goethe- und Schiller-Archiv, Nietzsche-Ikonographie, GSA 101/1*
4. Сестра Ницше, Элизабет, в семнадцать лет
© *Klassik Stiftung Weimar, Goethe- und Schiller-Archiv, Nietzsche-Ikonographie, GSA 101/158*
5. Рихард и Козима Вагнер, 1875 год
© *Fritz Luckhardt/Imagno/Getty Images*
6. Козима Вагнер, ок. 1870 года
© *Imagno/Getty Images*
7. Трибшен, дом Вагнера
Фото автора
8. Часовня на горе Пилатус
Фото автора
9. Любимая Фридрихом Ницше деревушка Зильс-Мария
Фото автора
10. Автор на той скале, где Ницше испытал откровение Заратустры
Фото автора
11. Дом Жана Дуриша в Зильс-Марии
Фото автора
12. Лу Саломе
© *Klassik Stiftung Weimar, Goethe- und Schiller-Archiv, Nietzsche-Ikonographie, GSA 101/92*

13. Лу Саломе замахивается кнутом на Ницше и Пауля Рэ
© AKG5714418 — *Heritage Images/Fine Art Images/AKG Images*
14. Фёрстерхоф, Парагвай
© *Klassik Stiftung Weimar, Goethe- und Schiller-Archiv, Nietzsche-Ikonographie, GSA 101/568*
15. Ницше в расцвете сил
© *Klassik Stiftung Weimar, Goethe- und Schiller-Archiv, Nietzsche-Ikonographie, GSA 101/18*
16. Печатная машинка Ницше
© *Klassik Stiftung Weimar, Goethe- und Schiller-Archiv, Nietzsche-Ikonographie, 100–2013–0842*
17. Ницше представляет свою книгу «Так говорил Заратустра», 1883 год
© AKG9666 — *AKG Images*
18. Психически нездоровый Ницше на попечении матери, 1890 год
© AKG144476 — *AKG Images*
19. Элизабет с любовью смотрит на брата
© *Klassik Stiftung Weimar, Goethe- und Schiller-Archiv, Nietzsche-Ikonographie, GSA 101/37*
20. Гитлер на похоронах Элизабет
© *Heinrich Hoffmann/Ullstein Bild via Getty Images*
21. Посмертные маски Ницше
© *Ute Schendel*

Научно-популярное издание

Сью Придо

ЖИЗНЬ ФРИДРИХА НИЦШЕ

Ответственный редактор А. Захарова

Редактор Е. Туинова

Художественный редактор М. Левыкин

Технический редактор Л. Синицына

Корректоры О. Левина, Т. Дмитриева, Т. Филиппова, Н. Соколова

Верстка Т. Коровенковой

В оформлении обложки и суперобложки использован
эскиз портрета Фридриха Ницше работы Эдварда Мунка

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

18+

Подписано в печать 17.02.2020.

Формат издания 70 × 100 ¹/₁₆.

Бумага писчая. Гарнитура «OriginalGaramond».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,25.

Тираж 5000 экз. В-PRS-20379-01-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru